

ЯЗЫК И ЛИТЕРАТУРА

А. А. Решетова

«ПОВЕСТЬ О СВЯТЫХ И БОГОПРОХОДНЫХ МЕСТАХ» ГАВРИИЛА НАЗАРЕТСКОГО: АВТОР И ИСТОРИЯ ТЕКСТА

Текст «Повести о святых и богопроходных местах святого града Иерусалима» Назаретского митрополита Гавриила, которая является аналогом греческого проскинитария — путеводителя по Святым местам, был впервые опубликован в 1900 г. С. О. Долговым¹. Первый (и на сегодняшний день единственный) издатель сочинения сопроводил его кратким историческим комментарием и «Челобитной царю Алексею Михайловичу», грамотой, написанной на русском языке собственноручно митрополитом². В исследованиях, посвященных этому книжнику XVII в., названному писателем и переводчиком, большей частью обращалось внимание на личность самого Гавриила, о его сочинениях, в том числе о «Повести», большей частью лишь упоминалось³. Сведения о Назаретском митрополите содержат в основном архивные материалы: «сказка» Гавриила на расспросе по приезде его в Москву, статейные списки Посольского приказа XVII в. о «приезде в Москву из Иерусалима Назаретского Благовещенного монастыря митрополита Гавриила для испрошения милостыни», частью — его челобитные русскому

¹ Повесть о Святых и Богопроходных местах Святого града Иерусалима, приписываемая Гавриилу Назаретскому епископу 1651 г. / Ред. С. О. Долгов // Православный Палестинский сборник (далее — ППС). 1900. Т. XVIII. Вып. 1 (52). С. 1–22.

² ППС. 1900. Т. XVIII. Вып. 1 (52). С. I–VIII, 23–25.

³ К числу таких работ относятся указания в справочно-библиографических изданиях А. И. Соболевского (*Соболевский А. И. Переводная литература Московской Руси XIV–XVII вв. (Библиографические материалы)*. СПб., 1903. С. 362–363) и И. У. Будовница (*Будовниц И. У. Словарь русской, украинской, белорусской письменности и литературы до XVIII в.* М., 1962. С. 45, 226), а также статьи немецкого слависта К. Д. Зеemann в его обзорной монографии по истории древнерусского паломнического «хождения» (*Seemann K. D. Die altrussische Wallfahrtsliteratur*. Wilhelm Fink Verlag. München. 1976. S. 341–344) и Е. Н. Матвеевой в «Словаре книжников и книжности Древней Руси» (*Матвеева Е. Н. Гавриил // Словарь книжников и книжности Древней Руси*. Вып. 3 (XVII в.). СПб., 1992. Ч. 1. С. 188–189). Ряд работ XIX столетия (С. Белокурова, Н. Ф. Каптерева, С. М. Соловьева) в основном посвящен связям Назаретского митрополита с историей Московского государства и русской православной церкви, а также личным взаимоотношениям с реальными лицами той эпохи: царем Алексеем Михайловичем, московским патриархом Никоном, строителем Богоявленского монастыря и послом-паломником Арсением Сухановым (неслучайно в своем «Статейном списке» и «Проскинитарии» Суханов не раз заводил речь о Гаврииле, с которым он неоднократно встречался, причем нередко испытывая чувства, далекие от доброжелательности (см.: РГАДА. Ф. 52. Сношения России с Грецией. Оп. 4. 7157 (1649) г. 9 мая. «Статейный список Арсения Суханова». № 8. Л. 1–28; изд.: *Статейный список Арсения Суханова / Изд. С. А. Белокуров // Белокуров С. А. Арсений Суханов*. М., 1894. Ч. 2. С. 1–22; *Проскинитарий Арсения Суханова // ППС*. СПб., 1889. Т. VII. Вып. 3 (21). С. 3, 40–41, 73, 82, 310–322), иерусалимским патриархом Паисием и украинским гетманом Богданом Хмельницким (см.: *Белокуров С. А. Арсений Суханов*. М., 1891. Ч. 1. С. 231–236, 241, 247–248, 264–265, 285; LXXXIV; *Каптерев Н. Ф. Сношения иерусалимских патриархов с русским правительством с половины XVI до конца XVIII столетия // ППС*. СПб., 1895. Т. XV. Вып. 1 (43). С. 120–185; *Каптерев Н. Ф. Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович*. Сергиев Посад, 1909. Т. I. С. 52–56, 67; *Каптерев Н. Ф. Характер отношений России к православному Востоку в XVI и XVII столетиях*. Сергиев Посад, 1914. С. 110–131, 322, 421; *Соловьев С. М. История России с древнейших времен*. СПб., 1895. Кн. 2. (Т. VI–XVIII). Стб. 1725–1726).

государю, как изданная С. О. Долговым, так и оставшиеся в рукописном виде, грамоты иерусалимского патриарха Паисия 1652 г. и митрополита Антония, преемника Гавриила в Назарете, 1657 г.⁴

Большей частью на основании этих источников в настоящее время возможно собрать сведения о Гаврииле Назаретском. Прежде чем стать главой одной из восточных митрополий, Гавриил три года был послушником в Египте, на Синае⁵. В 1650 г. Гавриил, будучи уже Назаретским митрополитом, был послан вселенским собором на поиски находящегося в отъезде иерусалимского патриарха Паисия, поскольку до Иерусалима дошли вести о кончине Паисия — об этой изначальной причине своего путешествия, которая приведет его в Российское государство, Гавриил сам объявил в Посольском приказе по приезде в Москву: «...В прошломъ-де во 158 году на светлую де в пятницу послали его из Ерусалима собору къ ерусалимскому патриарху Паисѣю, гдѣ он былъ и зачѣмъ умедлилъ, потому что вѣсти учинились, будто его не стало»⁶. С патриархом назаретский митрополит встретился в июле того же года в Молдавии, «Мутьянской земле». Иерусалимский патриарх некоторое время держал его при себе, в Терговищах, но вскоре, 30 сентября, Гавриил вновь был отправлен с поручениями, на этот раз, — с грамотами от Паисия сначала в Чигирин к гетману Богдану Хмельницкому, а затем в Москву к царю Алексею Михайловичу.

Причины путешествия Гавриила в Московское государство отличались разнообразием. Паисий узнал о том, что Хмельницкий вместе с татарами готовится напасть на границы Российского государства, в связи с чем он срочно выслал с особым поручением митрополита Гавриила⁷. В Чигирин митрополит Гавриил прибыл 4 ноября вместе с Арсением Сухановым⁸. Известно, что Гавриил не раз присутствовал на встречах гетмана Б. Хмельницкого и шляхтича И. Выговского с А. Сухановым. И митрополит Назаретский Гавриил, и Арсений Суханов в данной ситуации воспринимались гетманом Хмельницким как посредники по делам взаимоотношений Малороссии и России. И Хмельницкий, и Выговский сообщали Суханову и Гавриилу, что могут положиться только на них, поскольку все направленные до этого к царю Алексею Михайловичу послы никакого результата не добились — «только на большой стыд нам». Лишь с такими «духовными» людьми, утверждали они, можно разрешить вопрос («истинну безповоротно»): «примет ли онъ, государь, нас в соединѣнье?.. что будет намъ государь укажетъ през (через) вас духовных людей или с ынѣмъ с кѣмъ, кому государь укажетъ; и по тому смотря, и мы будем чинить...»⁹.

В результате пребывания в Чигирине 11 ноября Гавриил, как и Арсений Суханов, получил через Ивана Выговского от гетмана грамоту к русскому царю Алексею Михайловичу, вместе с ней тайное поручение, «изустне», к московскому правительству и вполне определенные наставления, о чем и как вести переговоры в Москве: «...Твоему царскому величеству потребныхъ словесъ говорити

⁴ РГАДА. Ф. 52. Сношения России с Грецией. Оп. 1. «Приезд в Москву из Иерусалима Назаретского митрополита Гавриила для испрошения милостыни». 1651 (7159) г. 25 ноября. № 11; Там же. Оп. 1. 7161 (1653) г. 29 октября. № 10 (грамота 1652 г. иерусалимского патриарха Паисия к царице Марии Ильиничне была издана С. Белокуровым, см.: Белокуров С. А. Арсений Суханов. М., 1891. Ч. 1. С. LXXXIV); Там же. Оп. 1. «Приезд в Москву Назаретского митрополита Антония за милостынею». 1657 (7165) г. 24 января. № 6. Л. 1, 3–5; Там же. Оп. 4. «Грамота к царю Алексею Михайловичу от Назаретского митрополита Гавриила». 1652 г. № 42.

⁵ На данный факт его биографии указывал С. О. Долгов, опираясь прежде всего на сведения, изложенные Арсением Сухановым в «Проскинитарии»: «Случилось ему быть во Египте, на послушании три года жилъ от патриарха...» (см.: Проскинитарий Арсения Суханова. С. 40).

⁶ РГАДА. Ф. 52. Сношения России с Грецией. Оп. 1. 1651 г. 25 ноября. № 11. Л. 6. Цитируемые здесь рукописи ранее не были опубликованы; в изданиях С. А. Белокурова, С. О. Долгова, Н. Ф. Каптерева, С. А. Соловьева они использовались фрагментарно или подвергались вольному пересказу. Здесь идет цитирование по указанным рукописям.

⁷ Об этом Гавриил также докладывал в Посольском приказе: «И как-де патриархъ сведаль про то, что Хмельницкой с татари готовица на Московское государство, помня к себе государскую милость, послал его, митрополита, к Хмельницкому тотчас и старца Арсения отпустил с нимъ же. А писалъ де патриархъ к Хмельницкому и изустно с нимъ, митрополитомъ, наказывалъ со многимъ прошенъем, с клятвою под запрещение, чтоб он того не чинилъ, что ему на благочестивого государя христианского войскомъ ходити» (см.: РГАДА. Ф. 52. Сношения России с Грецией. Оп. 1. 1651 г. 25 ноября. № 11. Л. 6–7).

⁸ Арсений Суханов, строитель Божоявленского монастыря, в 1649 г. вслед за патриархом Паисием отправился в Иерусалим, но так же, как Гавриил, был отослан им с поручениями в Чигирин и далее — в Москву.

⁹ «Статейный список Арсения Суханова». № 8. Л. 25, 26; изд.: Статейный список Арсения Суханова / Изд. С. А. Белокуров // Белокуров С. А. Арсений Суханов. М., 1894. Ч. 2. С. 21. Цитирование по изданию.

поручили есмь, которому изволь, ваше царское величество, милостиво ухо преклонити и во всемъ вѣрити, какъ намъ самимъ, понеже онъ изузное научение от насъ имѣеть», — писал в своей грамоте к русскому царю Богдан Хмельницкий о Назаретском митрополите¹⁰. К 1650 г. относятся многочисленные попытки Богдана Хмельницкого наладить отношения с московским государем, в целях чего он использовал любую возможность, в том числе благосклонность способствовавших данному союзу иноземцев¹¹.

После десятидневного пребывания в Чигирине и долгого пути митрополит Гавриил прибыл в Москву в декабре 1650 г. Здесь он сообщил об одной из целей своего посольства в Москву — содействии государственному объединению России с Украиной: «...послал-де с нимъ, митрополитомъ, из Волоской земли, из Ясѣ, иерусалимской патриархъ Паисей к тебе, государю, царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Руси, к Москве грамоту. А другую-де грамоту послалъ к светейшему Иосифу, патриарху Московскому всеа Руси, да с нимъ-де, государь, митрополитомъ, послалъ к тебе, государю, листъ из Чигирина черкаской гетманъ Богданъ Хмельницкий. Да он же, митрополитъ, сказалъ за собою ево же, гетмана, изузной тайной словесной приказъ от твоемъ государеве дѣле. А велель-де ему, митрополиту, онъ, гетманъ, тотъ тайной словесной свой приказъ сказать на Москве»¹². Как можно судить по имеющимся в нашем распоряжении документам, митрополит действительно сыграл весьма важную роль посредника между гетманом Богданом Хмельницким и московским правительством; не удивительно, что именно деятельное участие Назаретского митрополита в судьбах русского государства и его взаимоотношениях с иностранными державами и иноземцами не раз исследователями как ставилось ему в заслугу, так и вменялось в вину¹³.

¹⁰ РГАДА. Ф. 52. Сношения России с Грецией. Оп. 1. 1651 г. 25 ноября. № 11. Л. 13. В «Списке с листа з великорусского писма, какое писалъ ко Государю, царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Руси запорожской гетманъ Богданъ Хмельницкой Турские области города Назарета с митрополитомъ Гавриломъ в нынешнемъ во 159 году, декабря въ 9 день», касательно Гавриила, в частности, также говорилось: «Хотя и мерски чинимся писмами нашими вашему царскому величеству, однако же челобитье наше приносимъ о смиренномъ Гавриле, милостию Божиею архиепископе Божия жилища Назарета и наместникомъ всеа Галилея, который великия мучения для церкви Сионския, матере наша, терпя за веру христианскую, убивается ныне до вашего царского величества, яко до царя и Государя православного едетъ, желаячи милостыни святя, о которомъ просимъ вашего царского величества. Изволь, ваше царское величество, пресветлые очи свои показать и милостиво, яко царь и государь христианский, оного принять» (Там же. Л. 11, 12–13).

¹¹ Нужно добавить, что решение Гавриилом данных вопросов непосредственно было связано с приездом в Москву в 1649 г. иерусалимского патриарха Паисия, во время которого тот столь же активно поддерживал союз России с Малороссией (см.: *Каптерев Н. Ф.* Сношения иерусалимских патриархов с русским правительством с половины XVI до конца XVIII столетия. С. 124). По дороге в Москву Паисий встречался с Богданом Хмельницким и благословил его на борьбу с поляками, а в России заговорил с русским государем о волнующих его делах, связанных с украинским гетманом. В частности, причину своего приезда он объяснял тем, что «...гетман и все войско запорожское, велели ему, патриарху, бить челом царскому величеству, чтобы он, великий государь, изволил войско запорожское держать под своєю государскою рукою...» (Там же. С. 130). Однако посредничество Паисия оказалось неудачным, поскольку русский государь, не доверявший запорожским казакам, недавним союзникам крымских татар, отказал им в особом покровительстве, сославшись на мирные соглашения России с Польшей и Литвой. Паисий был недоволен и разочарован исходом своей миссии, но тем не менее обязался оповещать московского государя о развитии отношений между казаками и поляками.

¹² РГАДА. Ф. 52. Сношения России с Грецией. Оп. 1. 1651 г. 25 ноября. № 11. Л. 2–3.

¹³ В частности, подробно этим вопросом занимался Н. Ф. Каптерев (*Каптерев Н. Ф.* Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович. Т. I. С. 52). Иерусалимский патриарх Паисий в 1648 г. ратовал за союз России с Малороссией и успешность замыслов Богдана Хмельницкого, поскольку тот вел войну с поляками, в 1650 г. Гавриил заговорил в Москве об этом же, так как Хмельницкий после непродолжительного мира вновь начал воевать с Польшей и сразу же появилась необходимость в московском покровительстве. И приезд Паисия, и хлопоты Гавриила были не единичными фактами взаимоотношений русского правительства с греческими иерархами по частным вопросам, а достаточно продуманными действиями иерусалимского патриарха. Выступления запорожских казаков Богдана Хмельницкого против поляков в 1648–1649 г. произвели сильное впечатление на православном Востоке, они были расценены как начало освобождения православных народов от мусульман (турок и татар) и от католиков (поляков). В гетманских казаках увидели грозную силу, которая своими набегами наводила страх на всем побережье Черного моря, появилась надежда на то, что Малороссия, объединившись с единоверной Москвой, будет в состоянии образовать одно государство, православное по вероисповеданию, надежно противостоящее на юге татарам и туркам. В такой ситуации и для достижения этой цели некоторые греческие иерархи добровольно взяли на себя роль посредников, стараясь привести их ко взаимному соглашению. Такими «посредниками» стали Паисий и действовавший по его поручению Гавриил.

Помимо этого, в Москве Гавриил намеревался получить от московских властей милостыню. Если судить по многочисленным записям о «дачах» ему из царской казны, то можно предположить, что одной из целей посольства Гавриила было стремление поправить собственное финансовое благосостояние¹⁴. Согласно имеющимся данным, Гавриила одарили щедро¹⁵. В разное время назаретский митрополит дополнительно получал на «церковное строение» и «окуп долгов» «поручную дачу»: соболей на 600 рублей¹⁶, 50 рублей деньгами¹⁷, а также ему были жалованы русским государем новый архиерейский саккос и митра («шапка с камнями») на замену обносившимся старым, которых, по словам челобитной, он «не имашь во церькви». Дополнительная милостыня, безусловно, была выдана Гавриилу в ответ на его челобитную царю Алексею Михайловичу, которую опубликовал С. О. Долгов вслед за «Повестью»¹⁸. На принадлежность данной челобитной Гавриилу указывает ее вступление: «Пресвѣтлий и благочестивый, боговѣнчаний, во подсолнечной единь христианский царю Алексии Михайловичу, велики же и христоробивий княже и самодержече всея Роси и повелителю и обладателю многихъ странъ и языкъ, азъ смиреный Гаврииль архиепископъ Божия жилища Назарета и ексарь всея Галилея твоему пресветлому и великому царьству смиренѣ чоломъ бию и молю великаго ти благодательства». Просил Гавриил прежде всего о милости к разоренной турецкими властями Назаретской обители: «...Нинѣ же разорися и обьтыша отъ озлобления властелей агарьянскихъ, и сего ради смирене челомя бию и молю твоего обичнаго милосердия, умилосердися и прости десницу свою польную благотвореншия и подай Святую милостину на обьновление Святого монастыря, понеже и долгъ и з лихвию есть шестьсотъ рублиовъ». В ответ на эту просьбу Гавриил, действительно, получил все, о чем просил.

В Москве Гавриил Назаретский жил с 8 декабря 1650 г. по 20 июля 1651 г.¹⁹ Известно также, что в Москве митрополит Гавриил вел беседы по вопросам церковно-религиозным с Никоном, архимандритом Новоспасского монастыря, будущим патриархом русской церкви²⁰. Именно Гавриил в то время был одним из тех греческих иерархов, кто настаивал на необходимости приведения русского церковного обряда в полное соответствие с греческим типом богослужения и исправлении русских

¹⁴ Как замечал С. О. Долгов, «...Гавриил воспользовался своим пребыванием, чтобы испросить себе щедрую царскую милостыню для восстановления храма своей митрополии и на окуп своих долгов» (Долгов С. О. Предисловие. // ППС. 1900. Т. 18. Вып. 1 (52). С. IV).

¹⁵ По данным «греческих дел» в Посольском приказе за 1651 г., Гавриилу было назначено государево жалованье, которое традиционно выдавалось в России просящим милостыню иноземцам такого церковного чина по приезду, «на прибыток» («Митрополиту — кубокъ серебрянъ в две гривенки, камки смирной, куфтеру двенадцать аршинъ, сорокъ соболей в тридцать рублиовъ...» (РГАДА. Ф. 52. Сношения России с Грецией. Оп. 1. 1651 г. 25 ноября. № 11. Л. 27)), и «на отпуск» («кубокъ серебрянъ золочен с кровлею в полторы гривенки, камки смирной куфтеру двенадцать аршин, сорокъ соболей в 30 рублиов, денег 25 рублиов» (Там же)). Также сохранились данные о назначении содержания «приезжим гречанам нерусалимского патриарха Пансия» как по дороге от Путивля до Москвы, так и на пребывание в Москве (см.: Там же. Л. 3–5, 35, 26).

¹⁶ «И дано ему государева жалованья на милостыню и на церковное строенье собольми на 100 рублиовъ. В том же году дано государева жалованья ему же, Назаретцкому митрополиту Гавриилу, на милостыню и на окупъ долговъ его к прежней даче собольмих на 100 же рублиовъ. В том же году дано государева жалованья ему же, Назаретцкому митрополиту Гавриилу, на милостыню к прежней даче къ двусот рублиовъ собольми же на 400 рублиовъ» (РГАДА. Ф. 52. Сношения России с Грецией. Оп. 1. 1657 г. 24 января. № 6. Л. 4–5).

¹⁷ РГАДА. Ф. 52. Сношения России с Грецией. Оп. 1. 1651 г. 25 ноября. № 11. Л. 28–29.

¹⁸ ППС. 1900. Т. XVIII. В. 1 (52). С. 23–25. Здесь челобитная цитируется по данному изданию. С. О. Долгов, однако, не указал, в какой рукописи он ее обнаружил и в каком собрании она может находиться.

¹⁹ А. С. Белокуров указывал, что во время своего пребывания в Москве Гавриил остановился в Богоявленском монастыре (Белокуров С. А. Арсений Суханов. М., 1891. Ч. 1. С. 159). Однако, скорее всего, Гавриил жил на Хиландарском сербском подворье, которое находилось за Иконным рядом у Богоявленского монастыря, оно было подарено еще царем Иваном Васильевичем Грозным Афонскому сербскому Хиландарскому монастырю и отобрано у хиландарских старцев во второй половине XVII в.; до этого времени именно здесь по обыкновению поселялись прибывавшие в Москву священнослужители с Востока, просители царской милостыни (см.: Кантерев Н. Ф. Характер отношений России к православному Востоку в XVI и XVII столетиях. С. 110), а не в самом Богоявленском монастыре, келии которого служили для вполне конкретных целей, да и были небольших размеров — число монашеской братии, как правило, колебалось в пределах 20 человек.

²⁰ Безусловно, беседы Гавриила с будущим патриархом проводились с разрешения государя, поскольку порядок отношений с «иноземными» гостями был таков, что не позволял прибывшим с Востока иерархам до представления государю и без особого на то царского разрешения с кем-либо встречаться.

церковно-богослужебных книг по греческим образцам. Впоследствии в «отвещательном слове» на московском соборе 1656 г. на многократные «обличающие» беседы с Гавриилом и иерусалимским патриархом Паисием сошлется сам Никон, оправдывая свои инициативы по проведению реформы церкви: «...зазирали иногда моему смирению, мне, Никону патриарху, приходящие к нам в царствующий град Москву, своих ради потреб, святяга восточныя церкви святители: вселенский патриарх Афанасий и Паисий святаго Иерусалима и Гавриил святаго Назарета и прочие, и осуждали меня много за неисpravление божественнаго писания и за другия церковныя вины, из коих одна, что мы неправильно изображаем крестное знамение двумя перстами»²¹.

В немалой степени активность Назаретского митрополита в «московских делах» вновь объясняется поручением иерусалимского патриарха Паисия. Н. Ф. Каптерев считал, что Паисий, посылая Гавриила в Москву, доверил ему «напомнить Никону о своих московских беседах с ним»²², кроме того, патриарха наверняка не мог не обеспокоить состоявшийся в 1649 г. церковный собор, созданный по просьбе царя и отвергший изменения обряда, предлагаемые сторонниками греческой традиции, в частности единогласие в церковной службе²³. Личными беседами Паисий не ограничился, пытаясь воздействовать с помощью других людей, «нарочито присылаемых в Москву»²⁴. Все они сыграли определенную роль, взаимоотношения греческих иерархов с русским правительством и иерархами русской православной церкви имели огромное значение для русской церковной жизни. Стремления греков в данном случае вполне определены и понятны: восточная православная церковь не могла допустить развития тех настроений, которые начали преобладать в Московском государстве до воцарения Алексея Михайловича, заметное пренебрежение к грекам как к низшим себя в делах веры и благочестия, «испроказившимся» «ересью латынской» и «прелестью махметовой» угрожало в дальнейшем разрывом русской церкви с вселенской. Таким образом, во многом начать церковную реформу побудили Никона греческие иерархи, приезжавшие в Москву, и между ними особое место принадлежит иерусалимскому патриарху Паисию и назаретскому митрополиту Гавриилу, действовавшему в Москве по поручениям Паисия²⁵.

²¹ Цит. по: *Каптерев Н. Ф.* Сношения иерусалимских патриархов с русским правительством с половины XVI до конца XVIII столетия. С. 165. См. также: *Записки Отдела русской и славянской археологии императорского Русского археологического общества.* СПб., 1861. Т. II; *Гиббенет Н.* Историческое исследование дела патриарха Никона. СПб., 1887–1884. Ч. 1–2; *Дело о патриархе Никоне.* СПб., 1897.

²² *Каптерев Н. Ф.* Сношения иерусалимских патриархов с русским правительством с половины XVI до конца XVIII столетия. С. 164.

²³ Паисий был принят в Москве в январе 1649 г. и за время своего краткого пребывания в Москве (откуда он выехал в июне 1649 г.) не раз встречался с царем Алексеем Михайловичем, тогдашним московским патриархом Иосифом и с Никоном, будущим патриархом, человеком наиболее близким к русскому государю в те годы, исключительности положения при дворе которого иерусалимский владыка не мог не заметить. Поскольку к тому времени стало ясно, что русская церковь разошлась с греческой в обрядах и чинах, речь во время таких разговоров шла большей частью о делах церковного характера, о вопросах, касающихся различий в церковно-обрядовой практике русских и греков, на что обращали внимание как русские, так и приезжавшие в Москву за милостиною греческие иерархи. Безусловно, целью Паисия было «убедить, что современная греческая церковь так же православная, как и древняя, и что не русские, а греки должны быть образцом при упорядочении нашей церковной обрядовой практики» (цит. по: *Каптерев Н. Ф.* Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович. С. 66). Как показывает дальнейший ход истории, Паисий во многом добился успеха; «эти беседы, несомненно, имели очень большое влияние на окончательную уверенность Никона в правоте его новых воззрений на современных греков» (Там же. С. 66).

²⁴ Так, в 1650 г. им был послан в Москву митрополит Назаретский Гавриил, а в 1652 г. — архимандрит иерусалимского патриарха Иоасаф и митрополит Навпакта и Арты Гавриил Власий, также человек образованный, знающий греческий и славянские языки и т. д. То есть недостатка в людях, влияющих на русского царя, патриарха и Никона, в те годы не было (см.: Там же. С. 71; арх. *Макарий (Булгаков)*. История русской церкви).

²⁵ О иноземцах, так или иначе влиявших на начало и ход реформы, писали в XVII в. (возьмем, к примеру, челобитную 1667 г. к царю Алексею Михайловичу от братии Соловецкого монастыря, восставшей против нововведений Никона, причина которых виделась им в одобрении восточных иерархов; тогда как «греческие учителя» подобного авторитета не заслуживают, поскольку «самые имь лутчие греческие учителя, егда приезжают в Рускую землю, и не единь лица своего крестить не умеетъ и ходить бес крестовъ» — «им самим следовало бы учиться благочестию у русских людей, а не учить последних» (*Барсков Я. Л.* Памятники первых лет русского старообрядчества. СПб., 1912. С. 24), а также продолжали говорить исследователи XIX–XX в. (Н. Ф. Каптерев, Н. Субботин, арх. Макарий (Булгаков), В. О. Ключевский, Р. Г. Скрынников); причем оценка их действий не всегда отличалась позитивным настроем, ссылки на «неосторожное вмешательство в русские дела

Авторитет Гавриила при дворе Алексея Михайловича и благоволение к нему были настолько велики, что ему настойчиво и не раз предлагали остаться в Москве²⁶. Несмотря ни на что Гавриил отказался от подобных предложений и выехал из Москвы 20 июля 1651 г., «на выезде» ему был дан особый список «на 6 больших листах», «кого поминать, о здравии царя с царицей и царевнами, о упокоении великих князей, начиная с Владимира, всех патриархов, цариц и великих княгинь, начиная с Ольги»²⁷. Мы располагаем сведениями, что после отъезда из Москвы Гавриил сначала прибыл в «Мутьянскую землю» к Паисию, но вскоре покинул его ранее, чем тот собрался возвращаться в иерусалимскую патриархию. Возможным подтверждением возвращения Гавриила в Иерусалим через Валахию может стать указание некоего монаха-писца Григория Рожadowского, который в конце сборнике XVII в. сделал записи о некоторых событиях, непосредственно его касавшихся, в частности об известных ему иерусалимском патриархе Паисии и назаретском митрополите Гаврииле: «Отець же Гаврииль митрополит Назаретанский — мужъ духовен и до зла и искусень, паки же прииде от Московии царемъ и царицею много обдаренъ и зъло благодаренъ, того бѣ в 22 день месяца септеврия во святыи град от насъ отиде, ему же Господь Богъ да подаст путь миренъ и здравие душевное и тѣлесное и вся благая по совету его и воли, мой духовник и учитель и не только мой, но и вѣсхъ общій» (Л. 522)²⁸. Имеются данные о том, что по возвращении на Восток Гавриил напоминал о себе московскому правительству, присылая вести о восточных делах²⁹.

По возвращении в Назарет (точная дата неизвестна) Гавриил, как предполагается, занялся строительством на собранные в Москве деньги. Об этом, по крайней мере, имеется известие Антония — человека, сменившего его на посту главы Назаретской митрополии, приехавшего в Российское государство в январе 1657 г. ради «испрошения» милостыни «на церковное строение» в Назарете, продолжение дела, начатого Гавриилом: «... чемъ бы мнѣ, богомольцу твоему, совершить создание и строение, что начал был твой государевъ богомолецъ, бывшей мой брат и сослужитель, Назарецкий митрополит Гаврил, во святых и богостепенных местах... А то созидание и строение не совершено, оприче Бога и тебя, государя, надеятца нам не на ково, понеже он, богомолецъ твой, а брат мой, блаженной памяти Назарецкой митрополит Гаврил оставил долгу часть две тысячи ефимиковъ, а уповал он приити к вашей царской милости своему долгу помощи получить и созидание и строение совершить»³⁰. Как можно заметить, из этой же грамоты узнаем о смерти Гавриила, точная дата которой, однако, осталась

иностранцев» довольно часты в работах подобного рода (см., например: Бубнов Н. Ю. К проблеме возникновения старообрядческой художественной публицистики (догматы — идеология — литература) // Традиционная духовная и материальная культура русских старообрядческих поселений в странах Европы, Азии и Америки. Новосибирск, 1992. С. 58).

²⁶ Свидетельство того обнаруживаем, например, в «Проскинитарии» Арсения Суханова, который в свою вторую поездку на Восток получил одно из ряда поручений, связанное с митрополитом: «Да онъ же (думный дяк Михаил Волошенинов) говорил Арсению государевымъ словомъ: велель тебе государь говорить, какъ будешь у патриарха иерусалимскаго, и тебе-бѣ говорить патриарху, чтобъ онъ къ государю прислалъ назарецкаго митрополита Гавриила, на его государево имя, на житье, хотя-бѣ де его и понудиль. А здесь де мы ему говорили многожды о томъ, и онъ де не послушалъ, не остался...» (Проскинитарий Арсения Суханова. С. 3).

²⁷ РГАДА. Ф. 52. Сношения России с Грецией. Оп. 1. 1651 г. 25 ноября. № 11.

²⁸ ГИМ. Синодальное собрание. №456/140. Сборник с поучениями Исаака Сирина, Петра Дамаскина и другими статьями. XVII в. 4°. 522 л. Описание ркп. см.: Горский А., Невоструев К. Описание славянских рукописей Московской синодальной библиотеки. М., 1859. Т. II. Кн. 2. С. 192.

²⁹ Так, в грамоте 1653 г. Назаретский митрополит, передавая московскому государю различные политические вести, завершает ее заверением преданности и предложением дальнейших услуг, так как «он нашел вход к ближайшим вельможам султана, и от них теперь он может выведывать все, если только о том будет царский указ» (см.: РГАДА. Ф. 52. Сношения России с Грецией. 7161 (1653) г. № 16. Цит. по: Кантрев Н. Ф. Характер отношений России к православному Востоку в XVI и XVII столетиях. С. 322). Ранее Назаретский митрополит сообщал о состоянии дел в Константинопольской патриархии — в 1652 г. Гавриил прислал крайне мрачные отзывы о положении дел в церковно-религиозной жизни на Востоке. Прибыв в Константинополь, он «нашел там большие мятежи не только между бусурманами, но и христиан» и обнаружил, что «Парфения безбожно смертию казнили»; сообщал он также и о том, что «бывший родосский митрополит принял магометанство и многие клеветы говорил на христиан и на патриархов иерусалимского и вселенского... посему великое гонение воздвигали турки на патриархов и митрополитов» (РГАДА. Ф. 52. Сношения России с Грецией. Оп. 4. 1652 г. № 42).

³⁰ РГАДА. Сношения России с Грецией. Ф. 52. Оп. 1. 1657 г. 24 января. № 6. Л. 1.

неизвестна. Достаточно уверенно можно утверждать одно: Гавриил скончался не ранее 1653 г., времени его последнего послания к русскому государю, и не позднее начала 1657 г., когда Антоний уже стал митрополитом и появился с челобитными в Москве. Краткие сведения, дошедшие до нашего времени о судьбе назаретского митрополита Гавриила, безусловно, выразительны. Он относится к тем историческим персонажам, которые оставили след в истории Русского государства, православной церкви, культуры и литературы.

Авторство «Повести о святых и богопроходных местах святого града Иерусалима» не вызывало долгих споров. Какие-либо сомнения по этому поводу сразу же отверг первый издатель и комментатор памятника С. О. Долгов, сославшись на послесловие, сопровождающее текст в рукописях XVIII в.: «Смиранный Гавриил, архиепископ Божия жилища Назарета и ексарх всея Галилеи сие прочитающих молю о нас Бога молити, да и вы участия сподобитесь в небеснем Иерусалимѣ. Аминь. Написал же сие своею рукою, будучи в царствующем градѣ Москвѣ, в лѣто 7159-е (1651), марта в “...” день»³¹. «Это указание сопоставимо с тем, что мы знаем о личности и деятельности Гавриила, архиепископа Назаретского», — сделал вывод исследователь³². А. И. Соболевский и И. У. Будовниц вслед за С. О. Долговым датировали текст 1651 г. и уверенно назвали митрополита автором «Повести», не допуская при этом иных вариантов, то же подтвердила и Е. Н. Матвеева: «Гавриилу принадлежит «Повесть о святых и богопроходных местах святого града Иерусалима» — путеводитель по Святым местам»³³. Этим на данном этапе проблему авторства и времени создания текста можно было бы закрыть и считать решенной: назаретский митрополит Гавриил, будучи в марте 1651 г. в Москве, написал «Повесть о святых и богопроходных местах святого града Иерусалима», которая на протяжении втор. пол. XVII—XVIII в. была несколько раз переписана русскими писцами, то есть обрела в древнерусской письменности свою историю бытования. Однако в данном случае возникают следующие вопросы: если данный текст — творение Гавриила, то сам ли митрополит его написал или же он воспользовался неизвестным нам греческим путеводителем, перевел ли он его на славянский язык или оставил в греческом варианте, предоставив перевод русским книжникам XVII в., то есть «Повесть» — это переводной текст или нет? Попытки решения данного вопроса прежде всего неминуемо приводят к личности самого Гавриила.

Аргументом в пользу того, что Назаретский митрополит искусно владел словом, причем «словом» «славянским», служат факты, которые удалось обнаружить, исследуя его биографию. Известно, что ему были знакомы славянские языки, это даже позволило А. И. Соболевскому сделать предположения о его сербском происхождении. Ученый данную версию никак не аргументировал, но указал, что митрополит из Назарета «во всяком случае хорошо знал церковно-славянский язык»³⁴.

Так, пребывание Гавриила Назаретского в Чигирине, при дворе Богдана Хмельницкого, в ноябре 1650 г. было примечательно не только активным общением с самим гетманом и прибывшим одновременно с митрополитом посланцем русского самодержца Арсением Сухановым, но и тем, что 8 ноября Гавриил отслужил обедню в церкви при дворе гетмана в его присутствии и прочел в заключение богослужения две заамвонные молитвы «по-русски», используя киевский требник, причем другой восточный патриарх — Иосиф Коринфский «чел молитву» на греческом языке³⁵. Об этом упомянул Арсений Суханов в

³¹ Текст в данном случае цитируется по Никифоровскому списку: БАН. 45.11.16 (Приложение IV). Подобная завершающая фраза прочитывается в Казанском списке (НБ им. Н. И. Лобачевского Казанского ГУ. Отдел рукописей и редких книг. ед. хр. 4666 (№ 89/19950)), частично она вошла в Архивный (РГАДА. Собр. библиотеки МГАМИД. Ф. 181. № 14/15. Л. 149), а в других списках полностью отсутствует.

³² Долгов С. О. Предисловие. С. II.

³³ Соболевский А. И. Переводная литература Московской Руси XIV—XVII вв. (Библиографические материалы). С. 362; Будовниц И. У. Словарь русской, украинской, белорусской письменности и литературы до XVIII в. С. 45; Матвеева Е. Н. Гавриил. С. 189.

³⁴ Соболевский А. И. Переводная литература Московской Руси XIV—XVII вв. С. 362.

³⁵ Долгов С. О. Предисловие. С. IV; Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Т. II. Стб. 1725. Не исключено, что упомянутый «киевский потребник» не что иное, как знаменитый требник киевского митрополита Петра Могилы, изданный в 1647 г.

«Статейном списке», поданном им по приезде в Москву в Посольский приказ в декабре 1650 г. — в данном случае заподозрить Суханова в некоей предвзятости нет оснований: «Ноября въ 8 де(нь) митрополит коринфский и назаретской служили обѣдно в церкви, что у гетманского двора; гетман стоял у обѣдни с сыном на правом крылосе. По заамбонной молитвѣ оба митрополита вышли из алтаря царскими дверми, а пред царскими дверми послали коверъ, и призвали к себѣ гетмана и с сыном, и велѣли им обѣим стат(ь) на коврѣ на колѣнках; а митрополиты положили им на главы амфоры свои, и наперед чель молитву по гречески коринфской, потом чель двѣ молитвы назаретской по-руски по киевскому потребнику. Во многолѣтнии митрополиты и в октеньях поминают гетмана государем и гетманом великия России»³⁶.

Кроме того, находясь с 8 декабря 1650 г. по 20 июля 1651 г. в Москве, Гавриил снискал благорасположение к себе и авторитет при дворе, он даже получил разрешение проповедовать в Московском Богоявленском монастыре, где, действительно, в июне 1651 г. произнес ряд проповедей (в День Святой Троицы — «Троицын день», или «на Пятидесятницу», — и в день Вознесения Господня), как мы можем предполагать, собственного сочинения, по сему, возможно, и отличаются они резким обличительным характером и критическим настроем по отношению едва ли не ко всем слоям русского общества³⁷. Факт выступлений Гавриила Назаретского и составления им проповедей, предназначенных непосредственно для «живого» произнесения, весьма знаменателен на историко-литературном и религиозном фоне, красноречиво подтверждает тенденции, наметившиеся в литературе XVII в.³⁸

³⁶ РГАДА. Ф. 52. Сношения России с Грецией. Оп. 4. 7157 (1649) г. 9 мая. «Статейный список Арсения Суханова». № 8. Л. 17; издан: Статейный список Арсения Суханова / Изд. С. А. Белокуров // Белокуров С. А. Арсений Суханов. М., 1894. Ч. 2. С. 14.

³⁷ РГБ. Собр. отдела рукописей (Ф. 218). № 180. Л. 129–144, 144 об. — 161 об.; РНБ. Собр. М. П. Погодина (Ф. 588). № 1560. Л. 9–23 об. («Поучение на Троицын день» фрагментарно издано Н. Ф. Каптеревым по списку РНБ. Собр. М. П. Погодина (Ф. 588). № 1560. Л. 9–14. См.: Каптерев Н. Ф. Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович. С. 52–56).

³⁸ Говоря о проповеднической деятельности Гавриила, следует принять во внимание замечания исследователей, которые в той или иной форме указывали, что в то время в Москве «решительно отсутствовала церковная проповедь и всякое вообще церковное учительство» (Каптерев Н. Ф. Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович. С. 51), или «в начале XVII столетия проповедь была почти что неизвестна на Руси» (Зеньковский С. Русское старообрядчество. Духовные движения XVII в. Мюнхен, 1995. С. 78). Безусловно, в эту эпоху церковная паства нуждалась в «устной, живой настоящей проповеди, на менее или более жизненные и современные темы» (Каптерев Н. Ф. Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович. С. 51), впрочем, точно так же она испытывает в этом необходимость в любые времена, безотносительно к исторической или культурно-религиозной ситуации. Еще во времена Киевской Руси ораторское произведение становится одним из ведущих литературных жанров (см.: Бегунов Ю. К. Проблемы изучения торжественного красноречия южных и восточных славян IX–XVI вв. (К постановке вопроса) // Славянские литературы: VII Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1973. С. 383); до XVII в. на Руси была создана целая школа проповедников, чьи сочинения свидетельствуют о знании ими теории ораторского искусства, достаточно назвать митрополита Иларiona (XI в.), Феодосия Печерского (XI в.), Луку Жидяту (XI в.), Кирилла Туровского (XII в.), Климента Смолятича (XII в.), Серапиона Владимирского (XIII в.) — искусных мастеров слова и истинных знатоков Священного Писания. Начиная с XVI века угаснувший было интерес к искусству красноречия вновь появляется в древнерусской литературной практике (проповеди архимандрита Троице-Сергиева монастыря Дионисия, переводы Максима Грека) — XVI столетие стало «временем освоения литературных традиций в области ораторской прозы, как бы возвращение к тому, что было утеряно...», что в XVII в. привело к значительному развитию искусства красноречия на Руси (Елеонская А. С. Русская ораторская проза в литературном процессе XVII в. М., 1990. С. 7). Как отмечала А. С. Елеонская, этот этап в истории русской ораторской прозы (до сих пор, однако, не изученный) представляет ораторское искусство как одну из форм русской публицистики — «это тем примечательнее, что устное слово не звучало на Руси со времен Киевского государства — из-за боязни, по определению иностранных путешественников, «разностей во мнениях» (Там же. С. 9). Таким образом, ко времени появления Гавриила в Москве и произнесения им религиозных поучений в Богоявленском монастыре, на Руси существовали традиции церковной проповеди и религиозного учительства, а также имелись и свои проповедники («ревнители древлего благочестия» 40-х годов XVII в., в частности Иван Неронов, патриарх Никон и его противники, авторы-старообрядцы: Аввакум, дьякон Федор, священник Лазарь, инок Авраамий, Игнатий Соловецкий). Вряд ли на данном фоне голос Гавриила звучал настолько одиноко. Вместе с тем надо признать, что настоящий расцвет проповеднического искусства и мастерства и, как следствие, все более возрастающий интерес к нему будет отмечен позднее, во второй половине XVII столетия. Впоследствии исследователи назовут этот век «временем посланий, челобитных, публицистических и полемических произведений» (безусловно, исследователи в данном случае отмечали не только проповеди, но и сочинения других жанров, столь же разнообразные по своему составу, но отличающиеся рядом общих черт. См.: Демкова Н. С. Сочинения писателей круга Аввакума и публицистика Смутного времени (к постановке проблемы) // Источники по истории народной культуры Севера. Сыктывкар, 1991. С. 40; Елеонская А. С. Идеино-художественные особенности полемических старообрядческих посланий и челобитных во второй половине XVII в. // Вопросы стили

Также к московскому пребыванию относятся и занятия Гавриила «книжным» трудом или, как отметил С. О. Долгов, «незаурядной литературной деятельностью»: переводами с греческого языка и составлением на русском языке различных текстов — поучений «многа, безмолвию и молчанию»³⁹. Именно тогда Гавриил стал автором «Моления» с обращением к царю и просьбой о «милости и тщании ко училищу и учению греческого учения и художества грамоты»⁴⁰, посланий и челобитных к Алексею Михайловичу⁴¹, подборки «отеческих советов» нравоучительного характера, в основном содержащих наставления из Евангелия и сочинений отцов церкви, преподнесенных московскому царю в благодарность за оказанные милости и помощь⁴². Неподдельный интерес русских переписчиков вызвал и перевод Гавриилом «из греческаго языка древняго письма на русской» толкования патриарха Геннадия пророческой надписи на гробовом камне императора Константина Великого, известного как «проречение о Царьграде» и бытовавшего в древнерусской письменности в нескольких переводных вариантах (в том числе и Арсения Суханова), в исполнении Назаретского митрополита текст сохранился в нескольких списках⁴³. Тогда же, в марте 1651 г., как показывают рукописные источники, появилась и «Повесть о святых и богопроходных местах святого града Иерусалима», путеводитель по Святым местам Востока, ставший отдельной страницей в паломнической литературе Древней Руси XVII в.

Также в немалой степени активному участию Гавриила в реформах русской православной церкви и начинающемся расколе способствовало прекрасное знание им славянских языков. А благосклонность к назаретскому митрополиту при русском дворе объясняться может и тем, что в первой половине XVII в. русское правительство было занято учреждением в Москве греческой школы и, следовательно, поисками преподавателей для нее; в связи с этим был нужен «надежный православный грек», который был бы не замечен в «ереси», а к тому же знал славянские языки⁴⁴. Гавриил отвечал всем необходимым требованиям. С. А. Белокуров прямо указывал на то, что московское правительство именно Назаретского митрополита

художественной литературы. Ученые записки МГПИ. Вып. 231. М., 1964. С. 57–59; Елеонская А. С. Русская ораторская проза в литературном процессе XVII в.; Елеонская А. С. У истоков старообрядческой публицистики XVII в. // Вопросы русской литературы. Ученые записки МГПИ. Вып. 389. М., 1970. С. 111; Ромодановская Е. К. Литературное творчество патриарха Никона и старообрядческие писатели // Традиционная духовная и материальная культура русских старообрядческих поселений в странах Европы, Азии и Америки. Новосибирск, 1992. С. 58–64). Именно в XVII столетии усилится общественная роль «речотчества», чему, безусловно, способствовали правительственные указы о возрождении устной проповеди, правда, наиболее значимые продвижения в этой области начнутся несколько позже анализируемого нами временного отрезка — о необходимости устной проповеди особо будет говориться в постановлениях Собора 1667 г. (Дополнения к АИ. СПб., 1853. Т. V. С. 462). Определяя причины столь активного возрождения живой проповеди в XVII в., Д. С. Лихачев утверждал, что, прежде всего, оно вызвано «внелитературным употреблением ораторских произведений: принадлежит к “обрядовым жанрам”, они рассчитаны на произнесение вслух» (Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. М., 1979. С. 66. См. также: Робинсон А. Н. Литература Киевской Руси в сравнительном освещении // Slavia. 1972. R. 41. С. 1. S. 32). А. С. Елеонская между тем предостерегала, что, учитывая все вышесказанное, тем не менее «роль устного ораторства не следует преувеличивать» — «живое слово не стало повседневным явлением ни в гражданской жизни, ни в церковном обиходе Московской Руси», произойдет это спустя десятилетия, в Петровскую эпоху (Елеонская А. С. Русская ораторская проза в литературном процессе XVII в. С. 10).

³⁹ Долгов С. О. Предисловие. С. IV.

⁴⁰ РГБ. Собр. отдела рукописей. Ф. 218. № 180. Л. 57–62 об.

⁴¹ Там же. Л. 56–57; РНБ. Собр. Погодина. № 1560. Л. 9–23 об. (одна из челобитных была издана С. О. Долговым. См.: ППС. 1900. Т. XVIII. Вып. 1 (52). С. 23–25).

⁴² РГБ. Музейное собр. Ф. 17. № 1407 (232). Л. 102–107.

⁴³ Укажем списки известные нам, но, учитывая внимание к тексту русских книжников, частоту его появления в переводной интерпретации Гавриила и разброс его в кодексах от втор. пол. XVII в. до нач. XIX в., не исключаем, что данный перечень вполне может полниться целым рядом рукописей. См.: РГБ. Собр. Н. П. Румянцев. Ф. 256. № 374. Л. 256–257; РНБ. Собр. М. П. Погодина. Ф. 588. № 1561. Л. 120 об.; Там же. № 1579. Л. 108–109; РНБ. ОСРК. Q. XVII 199. Л. 128–129; РНБ. Собр. А. А. Титова (Ф. 799). № 110 (2805). Л. 180 об.; ГИМ. Собр. А. С. Уварова. № 296 (841). Л. 132 об.; НБ Украины. Институт рукописи. Собр. Духовной академии. № 259 (0.8.71). Л. 117–118. Непроясненным остается вопрос времени составления этого перевода, поскольку в имеющейся в нашем распоряжении рукописи (РГБ. Собрание Румянцева. Ф. 256. № 374. Л. 256–257) записано: «преведе же з греческаго на словенский языкъ преосвященный Гаврииль митрополитъ Назарѣтскѣ сей в царствующемъ граде | Москве, въ лѣто 1646, марта въ 4 день», — о пребывании Гавриила в Москве в марте 1646 г. ничего неизвестно, скорее всего, это ошибочное указание списка.

⁴⁴ Кантерев Н. Ф. Сношения иерусалимских патриархов с русским правительством. С. 162.

имело в виду «для той греческой школы, об открытии которой оно так усиленно хлопотало в то время»⁴⁵. К тому же широко известно то, что русское правительство в те времена нуждалось в просвещенных, образованных людях, способных принести пользу России, каких, в частности, видело в приезжавших с Востока греках⁴⁶.

Таким образом, Гавриил вполне был способен создавать тексты на «словенском» языке, насколько он владел современным русским языком XVII в., могли бы показать его сочинения, однако во всех рукописях имеется только указание на авторство Гавриила, но не уточняется, переводное произведение имеется в виду, отредактированное или оригинальное, то есть принадлежащее непосредственно руке митрополита. С. О. Долгов, например, указывал, что Гавриил хорошо знал церковнославянский язык и «отчасти русский, в западно-русском его наречии по преимуществу»⁴⁷. Скорее всего, если принять за точку отсчета существовавший некогда первоначальный вариант «Повести», выполненный непосредственно самим Гавриилом на «словенском» языке, то впоследствии появились не его переводы, а скорее стилистические «адаптации», отредактированные русскими писцами версии, с которыми мы сейчас имеем дело (тем более отличия списков XVII и XVIII в. говорят о своеобразном «прогнесе» данного текста, обретающего в процессе переписки более четкую структурированность повествования, большую конкретность и ясность). Как можем судить по имеющимся в нашем распоряжении поучениям, проповедям, челобитным и посланиям Гавриила, «славянским» текстам митрополита если что и было нужно, то редактора, стилистическое правка, приближенность их правописания к нормам русского языка.

О переводном характере «Повести» уверенно говорил Х. М. Лопарев («без всякого сомнения, это есть перевод греческого путника, текст которого доселе пока не отыскан»⁴⁸), а вслед за ним К. Д. Зеemann⁴⁹. Однако никаких конкретных подтверждений исследователи не приводят, и каких-либо указаний на этот счет в рукописных материалах в настоящее время не обнаружено, равно как и рукописи самого текста на греческом языке, с которой митрополит мог сделать перевод. Никак не влияет на данный вывод утверждение, что «Повесть» близка греческим путевым описаниям. Естественно, Гавриил был знаком с образцами греческих проскинитариев, и его произведение могло оказаться под их непосредственным влиянием, а значит, не чуждо стилистике, семантике и функциональной заданности подобных текстов. Отличную от мнения Х. М. Лопарева и К. Д. Зеemann точку зрения на характер «Повести» и ее авторство высказал С. О. Долгов, который считал, что данный текст вряд ли можно считать простым переводом, скорее всего, это самостоятельное творение Гавриила, причем исполненное с большим знанием дела; наличие в тексте грецизмов и «следов» влияния

⁴⁵ Белокуров С. А. Арсений Суханов. М., 1891. Ч. 1. С. 248.

⁴⁶ В жизни русской православной церкви XVII в. были случаи, когда греческие иерархи не просто оставались в Москве, а специально приезжали сюда на «вечное житье»; прибывший «на государево имя» в 1670 г. лидорикийский епископ Панкратий так определил их общие чаяния и надежды: «...слышал де он про его царскаго величества премногую милость к их братии архиереом, которые из их стран приезжают к Москве для милостыни, и великий де государь жалует их своим государским жалованьем довольно милостынею, такожде и он, архиепископ, надеясь на его царское жалованье, приехал к Москве на его царскаго величества пресветлое имя и должен де за его царское и его царских чад многолетное здоровье Бога молить» (Цит. по: Каптерев Н. Ф. Характер отношений России к православному Востоку в XVI и XVII столетиях. С. 150–151). Н. Ф. Каптерев в одной из своих работ приводит целый список греческих иерархов, жаждавших стать влиятельными посредниками между московским правительством и всеми просителями с Востока, обращавшимися к нему за милостынею, и по сему поселившимся в Москве: в 1613 г. сюда с этой целью прибыл ахридский архиепископ Нектарий, в 1622 г. — погонянский архиепископ Нектарий, в 1628 г. — веррийский митрополит Аверкий, в 1629 г. — селунский митрополит Паисий, в 1630 г. — севастьянский митрополит Иосиф и зихновский митрополит Неофит, в 1641 г. — скопийский митрополит Симеон, в 1652 г. — колосский митрополит Михаил, в 1654 г. — сербский патриарх Гавриил, в 1662 г. — вершатский митрополит Феодосий и газский митрополит Паисий, в 1664 г. — сербословунский епископ Иоаким, в 1670 г. — лидорикийский епископ Панкратий, в 1686 г. — ахридский архиепископ Мелетий, в 1688 г. — скопийский митрополит Евфимий (Каптерев Н. Ф. Там же. С. 147–148).

⁴⁷ Долгов С. О. Предисловие. С. II.

⁴⁸ Лопарев Х. М. Описание рукописей Императорского общества любителей древней письменности. Рукописи в четвертку. СПб., 1893. Ч. 2. С. 349.

⁴⁹ Seemann K. D. Die altrussische Wallfahrtsliteratur. Wilhelm Fink Verlag. München, 1976. S. 342.

греческих описаний, по мнению издателя «Повести», «не указывает непременно на перевод с греческого», а является делом вполне естественным в случае, когда автором становится человек, знающий не один язык и пытающийся создать произведение на неродном для себя «наречии»⁵⁰.

В тексте «Повести», действительно, встречаются грецизмы (типа: «богопроходныя места» (= *θεοβασιστοί τόποι*), «подобие церкви» (= «вид церкви»), «независтные дары» (= «изобильные дары» — *ἀφύσια δάρα*) и т. п.) и греческие названия, оставленные автором без перевода и объясненных переписчиками («Патерь Имонъ» (= «Отче Наш»), «Евангелизмо» (= «Благовещение»), «Кафолико, сиречь Соборное» (= Кафоликон — *ὁ καθολικός, Catholicon*)⁵¹, впрочем, как и «следы» влияния других проскинитариев и связи с ними, а также географические и исторические реалии, свидетельствующие о прекрасном знании Гавриилом предмета своего описания — поклонных земель Иерусалима и Палестины, что, безусловно, покажет дальнейший анализ текста. Гавриил был Назаретским митрополитом, соответственно, человеком, долго прожившим в землях Ближнего Востока, хорошо знавшим его святыне достопримечательности — «он легко и верно ориентируется в Иерусалиме и его окрестностях, точно определяет местоположение святынь и их расстояние друг от друга, указывает, в чьих руках в его время и в каком состоянии находится тот или другой монастырь или церковь»⁵². Известно, как много он путешествовал по Палестине, как часты, вероятно, были его поездки из Назарета в Иерусалим, из Синая в Иерусалим и т. п. Абсолютно точно можем заявлять о следующих пунктах его пребывания на Востоке: Иерусалим, Назарет, Константинополь, Синай; не исключено, что полученные во время их впечатления могли отразиться при написании «Повести» — возможный факт путешествия митрополита определяет открытость этого списка святых мест, где Гавриил мог побывать.

С. О. Долгова поддержала М. А. Голубцова, исследовавшая корпус переводных путеводителей по землям христианского Востока и взаимодействие древнерусских и греческих паломнических текстов и заявившая, что примечательность «Повести» в этом и состоит — она, не являясь переводом, создана автором-греком (в отличие от всех проанализированных ею образцов) и находится вследствие этого под очень заметным влиянием проскинитариев⁵³. Согласимся с этим мнением, тем более что основания для этого имеются серьезные.

Количество сохранившихся списков говорит об известном успехе этого сочинения на Руси, вследствие чего оно неоднократно переписывалось, на данный момент известно о шести списках⁵⁴. С. О. Долгов сделал предположение о существовании двух редакций памятника, первая, согласно его мнению, сохранилась в ранних списках (к ним он отнес списки Синодальный, Лопаревский и Ундольский), вторая — в рукописях XVIII столетия, которые при переписывании лишились фонетико-лексического своеобразия, присущего первой редакции (имеются в виду Никифоровский, Архивный и Казанский списки)⁵⁵. Издатель, в частности, утверждал, что более ранние списки XVII в. отличаются «те фонетические и лексические особенности, которые внес в свой труд автор», впоследствии утраченные под пером редакторов⁵⁶.

⁵⁰ Долгов С. О. Предисловие. С. I–II.

⁵¹ Впрочем, по поводу подобных словоупотреблений Х. М. Лопарев заметил: «Выражения: кафолико, Потерь имонъ (патер ημων), наш благочестивый патриарх и пр. прямо указывают, откуда явился у нас этот перевод» (Лопарев Х. М. Описание рукописей Императорского общества любителей древней письменности. Рукописи в четвертку. С. 349–350). Хотя нужно сказать, русскими переводчиками все-таки чаще греческие наименования или передавались в русской транскрипции, или переводились полностью, без какого-либо поясняющего комментария.

⁵² Долгов С. О. Предисловие. С. I.

⁵³ Голубцова М. А. К вопросу об источниках древнерусских хождений в Святую землю (Поклоненье св. града Иерусалима. 1531 г.) // ЧОИДР. М., 1911. Кн. 4. С. 9.

⁵⁴ См. Приложения I и IV.

⁵⁵ В данной работе мы принимаем условные обозначения списков «Повести», данные С. О. Долговым: С — Синодальный (ГИМ. Собр. Синодальное. № 684), Л — Лопаревский (РНБ. Собр. ОЛДП (Ф. 536). Q. 235), У — Ундольский (РГБ. Собр. В. М. Ундольского (Ф. 310). № 734), Н — Никифоровский (БАН. 45.11.16), А — Архивный (РГАДА. Собр. библиотеки МГАМИД (Ф. 181). № 14/15), К — Казанский (НБ им. Н. И. Лобачевского Казанского ГУ. Отдел рукописей и редких книг. ед. хр. 4666 (№ 89/19950)).

⁵⁶ Долгов С. О. Предисловие. С. VI.

Концепция двух редакций «Повести» до настоящего времени не была ни подтверждена и ни опровергнута, поскольку памятник издавался лишь однажды в 1900 г. в Палестинском православном сборнике, и, по сути, исследование текста ограничивается сопровождавшим его комментарием. Для своей публикации С. О. Долгов выбрал «лучший», на его взгляд, список первой редакции, что, однако, не помешало ему подвести разночтения по всем остальным пяти рукописям, включая более поздние (XVIII в.), причисленные им ко второй редакции; надо сказать, это не вызвало особых осложнений — обе редакции, пользуясь терминологией Долгова, вполне свободно «накладываются» друг на друга, поскольку, как заметил и сам исследователь, принципиальное их отличие, по сути, сводится к наличию в списках заключительной части «Повести». Списки XVIII в. (Н, А, К) отличаются тем, что их завершает послесловие с указанием имени «смиреннаго Гавриила» и времени написания текста — «лѣто 7159-е (1651), марта», а три рукописных варианта «Повести» XVII в. (С, Л, У), про которые С. О. Долгов упомянул, что «они не знают никакого указания на личность автора», такого дополнения не содержат (см. выше).

На наш взгляд, имеющиеся фонетико-лексические разночтения списков XVII и XVIII в., а также важное для атрибуции памятника послесловие вряд ли могут служить основанием для их разделения на две редакции. К тому же, как показывает анализ разночтений, все имеющиеся текстовые изменения в более поздних рукописях не были систематическими, последовательными на протяжении всего текста, их сложно назвать результатом целенаправленной работы переписчиков, хотя определенные тенденции, обусловившие их появление и отличие от более ранних рукописных источников, безусловно, сложились. Скорее, в данном случае следует говорить о *двух видах одной редакции*. Отношения между списками, в итоге, складываются следующим образом. Наиболее близки, если судить по имеющимся разночтениям, Синодальный и Лопаревский списки, с незначительным количеством отклонений они практически копируют друг друга; датируемые XVII в., они, действительно, представляют один из видов «Повести» (отличия в данном случае ограничены частичными фонетическими и лексическими заменами). Вопреки утверждениям С. О. Долгова, список Ундольского, на наш взгляд, более близок Никофоровскому, Архивному и Казанскому — спискам XVIII в., несмотря на то, что хронологически его логичнее было бы отнести к первой текстовой разновидности (он датирован кон. XVII — нач. XVIII в.), однако, разночтения говорят об обратном. На основании этих четырех списков складывается другая разновидность текста.

Однако, надо признать, несмотря на близость к более поздним кодексам, в списке Ундольского нет концовки, которая позиционировала бы его как список данного вида. На этот счет имеется предположение: в рукописном источнике этого списка подобное информативное «послесловие» вполне могло быть — обратим внимание на то, что, в отличие от Синодального и Лопаревского, Ундольский заканчивается вставкой «Аминь»: «До здѣ описание Земли Святыя, идеже Господь наш Иисус Христос пречистыми своими ногами походи и общую спасения нашего тайну исправляючи (У: совершая, доб. Аминь (Л. 20))» (Л. 250—250 об.)⁵⁷. Точно так же завершается фраза об авторстве Гавриила в Архивном, Никифоровском и Казанском списках (см. выше). Следовательно, можно допустить, что в списке У при переписывании был допущен пропуск данных атрибутирующих строк, однако, если это предположение верно, вряд ли в настоящее время удастся узнать, по какой причине это произошло. Дальнейшие наблюдения разночтений показали, что данное послесловие не единственный решающий фактор для вполне четкого разделения двух текстовых разновидностей.

В списках второй разновидности отмечаются фонетические, морфологические, грамматические и лексические замены, как правило, они приводят к «поновлению» стиля повествования, в частности, происходит смена окончаний в прилагательных: *аго* на *ого* (великого вместо великаго), *ей* на *ий*

---

⁵⁷ Текст «Повести о святых и богопроходных местах святого града Иерусалима» цитируется по Синодальному списку, случаи привлечения других списков или разночтений по ним оговариваются особо.

(средний вместо средней), *ия* на *ие* (многия на многие), замена архаичных форм на более современные: двойственного числа на множественное, краткого прилагательного на полное и т. п. Однако этот принцип не был выдержан последовательно на протяжении всего текста и во всех рукописях в равной мере. Стоит отметить отношение переписчиков к встречающимся в тексте грецизмам, обнаруживаем как их замену, напоминающую перевод («И ту во вертепѣ (У, А, Н, К *нет*, *доб.* тамо же в пещере есть) мѣсто на восток, идѣже родися Христос ...» (Л. 247)), так и их непонимание, а следовательно, желание дополнительно разъяснить слово, хотя бы при помощи «сииречь» («и ту есть Назарет-град, идѣже бысть Евангелизмо (У Евглизми; А Евглимист; К Евглимиз) или (У сииречь; А, К сиречь) благовѣщение Пречистыя Дѣвы Богородицы» (Л. 241 об.)); то есть, с одной стороны, отмечается стремление редакторов акцентировать на них внимание, а с другой стороны — устранить их. Однако и в этом позиция переписчиков не выражена настолько четко, чтобы говорить об осознанных модификациях, о целенаправленных технических приемах.

Более значительны в данном случае встречающиеся в списках второй разновидности пропуски и перестановки слов в предложениях, которые зачастую приводят к смене крупного фрагмента на малый, к изменению типа предложения со сложного на простой и т. п. (например, «В том потоцѣ (У, А, К *нет*) есть монастырь (У *доб.* дѣвический; А, К *доб.* девический) Евдокии царицы, жены царя Феодосия Малого; и сей монастырь нарицается девический и ныне стоит пуст (У, А, К: *нет*, *доб.* в нем). Есть же (У, А, К *же* есть) церковь та (У, А, К *нет*) зѣло красна, и под церковию — гробница (У, А, К гробницы), и во гробницѣ (У, А *нет*, *доб.* в них же) — кости многие девическия, от них же (У, А, К *нет*) миро // благоуханное изходит (У, А, К *источают*)» (Л. 239 об.—240); «...ту (У, А, Н, К тамо) же и море великое, еже глаголется (У, А, Н, К *нет*, *доб.* глаголемое) Бѣлое море (У, А, Н, К *нет*), им же отходят и (У, А, Н, Л, К *нет*) в Царь-град и во (У, А, Н, К *доб.* Египет и на) всякую страну, идеже кто хошет, по тому морю отходит (У, А, Н, К *нет*)» (Л. 236)⁵⁸).

Чаще всего подобные замены, допускающие иной порядок слов в предложении и освобождающие текст от инверсии, вносят в повествование более упорядоченное построение фразы, более четкое выражение мысли («Есть же около нарицаемаго Кафолика мѣсто на обхождение спространно (У, Н Около же Кафолика, нарицаемаго Соборнаго есть; А Около же Кафолика, нарицаемаго Соборнаго есть; К Около же Кафолика, нарицаемаго Соборнаго есть)» (Л. 229 об.); «Ту (У, А, Н, К тамо) же, надесно от Сиона к полудню, долина есть великая, ту же, на другой странѣ долины (У, А, Н, К *нет*, *доб.* от нея же на страну) к востоку, есть (А, Н, К *нет*) село Скуделниче, идеже погребают странных...» (Л. 236 об.)). Без сомнения, бульшее разнообразие, которое привносят в текст такие замены, не только освобождает его от единообразных синтаксических конструкций (к примеру, начинающихся с традиционных «так»/«токо»), но нередко влечет за собой некоторое уточнение текста, его конкретизацию и одновременно с этим делает его более «гладким», более удобным и легким для чтения: «И тако отверзают турки двери тоя коморки Гроба Христова, и токо (У, Н, А, К *абие*) входит патриарх, и обрѣтает свѣт поверху гроба Христова подобнѣ, яко же рая свѣтящися многоразличнѣ, и тако (У, Н, А, К *нет*, *доб.* от него) вжизает свѣщи, и износит внѣ и раздает вѣрным людям. И тако (У, Н, А, К *нет*, *доб.* в то время) клепают в желѣзные и древяныя клепала» (Л. 232).

Зачастую такие разночтения в более поздних списках могут указывать на то, что в них подобным образом устраняются следы переводного текста или неловкости перевода, то есть прочитывается стремление книжника сделать не совсем четко выстроенные фразы или непонятные фрагменты текста более ясными и доступными для понимания. Как то: «И тако (У, Н, А, К тогда) турки желѣзнаго и мѣднаго гвоздя пред враты у камней (У, Н, А, К в камение) множество понабивали, да будут в очи тѣм, которые не вѣруют (У, Н, А *нет*, *доб.* в знамение невѣрующим; К *нет*, *доб.* в знамение неверующим)» (Л. 233 об.); «Дают же той (У *нет*, *доб.* в ту; А, К *нет*, *доб.* в тое; Н *нет*, *доб.*

⁵⁸ Отмечаем разночтения, наиболее примечательные в этом отношении.

в тую) церкви (У, А, Н, К церковь) и (У, А, Н, К нет) турки от всѣх стран оброки и на масло лампадам (А, К лампады масло; Н масло лампадам) исцѣленной ради и чудес страшных; многи (У, А, Н, К много) бо чудеса дѣйствует (У, А, Н, К чудодействует) святыи Георгий в том монастырѣ: исцѣляет (А, Н исцѣляя) турков и христиан (А, К христиан и турков; У, Н христиан)» (Л. 248). Примечательна в этом отношении замена «ту»/«та» на «тамо», появляющаяся с завидным постоянством в списках более поздней разновидности («Есть же ту (У, А, Н, К тамо) и дом Захариин (У, Н, К Захариин; А Захария), отца Крестителя (У, А, Н, К Предтечева); еще же есть (У, А, К доб. тамо; Н нет, доб. тамо) источник воды, яже (У, А, Н, К иже) глаголется Вода Обличения. Та (У Тамо) же (Л, У, А, Н, К доб. паки) к западу от Горния, между (У, А, Н, К меж) горами, и ту (У, А, Н, К нет) есть церковь, и мѣсто (У место и церковь; А мѣсто; Н, К мѣсто и церковь)...» (Л. 248 об.)). Поясним: не исключено, что Гавриил писал (или списывал с какого-либо греческого путеводителя) о «своих», хорошо знакомых ему местах, которые для него были в пределах Святой земли, то есть «ту», тогда как русскими книжниками XVIII в., безусловно, святыни Палестины и Египта воспринимались несколько отстраненно, только как находящиеся «тамо».

Нередко подобные замены предусматривали не только пропуски и устранение инверсий, но и вставки, порой значительные по объему; предполагаем, что в данных случаях создатель этого вида текста прекрасно понимал, о чем идет речь, обращаясь к первоисточнику используемых сведений, что позволяло ему более свободно обращаться с ним («От Тивириады же и Капернаума к полудню есть мѣсто, идѣже Христос пятим тысящем народу пять хлѣб преломи (У нет, доб. пять тысящ мужей пяти хлѣбами и двѣма рыбами насытил; А нет, доб. пять тысяч мужей пяти хлѣбы и двема рыбами насытил; К нет, доб. пять тысящ людей пяти хлѣбы и двема рыбами насытил)» (Л. 241); «Ту (У, А, Н, К тамо) же и дуб Мамврийский, и ту многи винограды и той дуб, идѣже (У, А, Н, К нет, доб. при нем же) явися (У, Н явилася) Святая Троица Авраамови (У Аврааму, доб. Есть же той дуб и до нынѣ: под сѣнию же его уляжется болши 5000 овец; еще же мнози суть виногради; Н Аврааму, доб. Есть же той дуб и до нынѣ: под сѣнию же его уляжется болше 5000 овец; еще же мнози суть виногради; А Аврааму, доб. Есть же той дуб и до нынѣ: под ветми же его уляжетца болше пяти тысящ овец, еще же мнози суть виногради; К есть же той дуб и до нынѣ. Под вѣтми же его уляжется болше пяти тысящ овец, еще же мнози суть виногради)» (Л. 249)). Вместе с тем, каких-то более крупных смысловых вставок или пропусков в поздних списках не отмечается (они, как правило, ограничиваются одиночными словами, реже словосочетаниями или частями предложений), более часты замены и перестановки слов и фраз⁵⁹.

Итак, изменения в списках более поздних по времени появления нередко сводились к выправлению синтаксического строя повествования, на это, прежде всего, был нацелен целый ряд всевозможных замен, пропусков, вставок. Явно конспективная форма путеводителя, документализированный тип повествования, столь характерный для «Повести» Гавриила, как жанрового аналога греческого проскинитария, не всегда и не во всех случаях устраивали составителей второй ее разновидности; за

⁵⁹ Каждый из списков отличают свои, только ему присущие значимые отличия, более или менее крупные погрешности. Так, в Синодальном списке явно наблюдаются границы пропуска — на л. 228 опущен фрагмент о Святом Гробе в Храме Воскресения Господня («Имать же сия Святая церковь два покрова: первый покров от запада, оловом около покровен, а от верха не покровен, но точию медяною сетию покровен; ту, под тем покровом, Святыи гроб Христов, иже соделан зело красно от мрамора белаго. Верху гроба, идеже лежаше Пречистое тело Владычне, коморка, в ню же...» — по списку Лопарева. См.: Приложение III); в ркп. вместо этого отрывка большая часть листа оставлена чистой — каков был замысел писца, остается только предполагать. В Архивном списке наблюдается перенос описания Иордана и его побережья с л. 141 на л. 142 (Приложение III, л. 239, 240 об.). Наиболее дефектный список — Никифоровский, в нем утрачено начало текста («Повесть» в данной ркп. начинается с описания Святого Гроба в Иерусалиме, со слов «...красно от мрамора белаго» (Л. 339)), а также отрывок в середине сочинения, описывающий монастыри Иудейской пустыни, части Галилейской земли: Иордан и его окрестности, Тивириадское море и его побережье, Назарет, Фавор и т. д. (по Синодальному списку это фрагмент на л. 239 об. — 243); скорее всего, это результат утраты листов протографа или механического повреждения ркп. Но вместе с тем это один из немногих списков, в которых полностью прочитывается послесловие со словами об авторстве Гавриила и датировке Повести. Этим ограничивается круг наиболее значительных пропусков в разных списках.

данными текстовыми трансформациями очень часто прочитывается стремление книжника сделать текст более «удобопонимаемым», комфортным для чтения, придать ему в большей степени беллетристический стиль, внести в него те особенности, которые при умелом с ними обращении приблизили сочинение к жанру хождения с его повествовательной манерой. Скорее всего, это желание переписчиков-редакторов было не всегда четко осознаваемо и тем более целенаправленно. Мы не заявляем о жанровой модификации «Повести» Гавриила в ее второй разновидности (утверждать это было бы слишком опрометчиво и не соответствовало бы действительности, иначе речь шла бы вновь о двух редакциях памятника), в данном случае уместно указать на наметившиеся тенденции в литературной технике книжников XVIII в. по отношению к жанру греческого путеводителя/проскинитария. Стремление «выправить», сделать более беллетризированной манеру повествования жанровой формы, столь знакомой на Руси в кругу паломнической письменности, говорит в какой-то степени и о соответствующих тенденциях в жанрово-литературном процессе Древней Руси XVII–XVIII в.

